

ПРАВОСЛАВИЕ И ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

Составитель: Л.И.Сизинцева

По материалам рефератов, подготовленных работниками культуры
Костромской области.

Работникам культуры Костромской области были предложены программы-вопросники, отражающие роль православия в жизни крестьян - в праздничной культуре (программа Л.А.Тульцевой «Престольные (храмовые) праздники») и в повседневном быту (программа Л.И. Сизинцевой «Православие и народная культура»). Программы отчасти дублируют друг друга, поэтому при систематизации материала ответы на вопросы двух программ были объединены.

Храмы. Строительство

В скобках указан шифр рефератов, перечень которых приведен в конце, и номер информанта по списку, если таковой имеется в реферате.

Здесь и далее, кроме особых случаев, информация о храмах дается по справочнику: Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии: Справочная книга/Изд. Костромских епархиальных ведомостей. - Кострома, 1911. В возобновленном ныне Макариево-Писемском монастыре в Буйском районе.

Храм был центром приходской жизни. В некоторых местах Костромской губернии сохранились предания о строительстве церковных зданий. Так, в Буйском районе записан рассказ А.Ю. Рябцова: "...А вот место для строительства церкви в с. Ликурга помог найти юродивый. Долго искали место, но заметили, что один человек несколько ночей кряду ночевал на одном и том же месте. А в старину было такое поверье: где хорошо и уютно юродивому, то место якобы выбрано Всевышним. Для строительства этой церкви был построен небольшой кирпичный завод. Для раствора собирали яйца с населения..." (Н. 283. 10). Правда, неизвестно, о каком из ликургских каменных храмов идет речь - о Троицком 1685 г. или о более позднем Христорожественском 1833 г. постройки.

Жительница пос. Кореги Буйского района, Е.Д. Окунева, рассказала о строительстве Георгиевской церкви, что на р. Костроме (1819 г.): "Хотели церковь построить сначала в Молошном, фундамент заложат, утром посмотрят - он весь разворочан. Снова заложат - снова разворочан. Пришли на место, где сейчас стоит церковь-то, фундамент был уже готов, и даже не знают, кто его ложил..." (Н. 283. 8).

Аналогичное предание сохранилось о Преображенской церкви с. Потрусова Парфеньевского района (1828 г.). Оно записано со слов Т.В. Гарцевой и Н. А. Трофимовой: «Знаем, что строили ее много раз. Сначала ее начинали строить не на этом месте, где она сейчас стоит, а на Дьяковской горе. Два раза закладывали там кирпичи, а ночью они исчезали. Куда девались? Один Бог ведал! А один раз кирпичи оказались на том самом месте, где сейчас и стоит церковь... И вот уж потом начали строить церковь на теперешнем месте, где она стоит». (Н.297)

К. А. Соколова (Буйский район д. Куребрино) рассказала о явлении каменного креста и строительстве церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Рябцове (1799): "...Церковь, вот только помню я, что рассказывали у нас, был у нее крест животворящий, и вот говорят, что он приплыл по воде в Рябцово, приплыл против воды. Вот где сейчас церковь поставлена, вот он пришел на это место. Этот крест у Макария" сейчас, да в церкви. Вот это вот рассказывали, что как его ни перенесут, на какую возвышенность, вот церковь-то в низине, а была вот такая возвышенность, хутор, и вот на этой возвышенности было хотели поставить церковь. Вот как принесут его туда - он все равно уйдет на старое место, так вот, на этом месте и поставили церковь. Этот крест животворящий, по большим-то праздникам его носили по деревням, его носили четыре мужика, а потом его сделали в киоте, и его во время войны, да, во время войны, [...] вот церкву-то когда нарушили, его вот хотели разбить - не могли ничего сделать, не разбили его, церковь лили здешние..." (Н.283. 11).

Об Успенской церкви с. Нейского Парфеньевского района (1845 г.

постройки) рассказала В.К. Секованова: «Село Успенье назвали в честь найденного образа Успенья Божьей Матери, и построен храм в честь иконы Божьей Матери. Церковь строилась 25 лет, печей в храме не ложилось, они ложились под церковью, и дымоходы шли по стенам, выходил дым в трубы. Церковь была очень теплая. В строительстве церкви принимались и использовались) в состав яйца, их приносили прихожане... На освящение приезжали 7 епископов, и весь приход присутствовал». Она же сохранила предание о том, как поднимали колокол: «Когда поднимали колокола, то не могли сдвинуть с места, даже в то время поднимали лебедкой, но колокол никак на подъем на поддавался, тогда батюшка обратился к толпе людей с просьбой: «Может, кто из вас постится по средам и пятницам?» Вышла одна женщина, и он велел ей дотронуться до колокола. Она дотронулась, и колокол легко поднялся» (Н. 320.16).

Пример храмосоздательской деятельности конкретного человека зафиксирован в воспоминаниях уроженки Кологрива М.К. Козловой: «В семье К.И. Козлова, последнего сына И.В. Козлова, было 12 человек детей, бабушка всех детей рожала. Наш дед, был лесопромышленником, имел торговые лавки. Построил церковь Спаса Нерукотворного [Строилась в 1908-1911 гг. См.: Памятники архитектуры Костромской области: Каталог. - Вып. V. Кострома, 2003- С. 16.], на лошадях подвозили всю семью, всех детей на службу, женщины были в длинных платьях.

Кологрив по воспоминаниям племянницы Веры Александровны Байковой Смирновой/ был очень красивым, везде были мостовые. Сейчас в их родовом доме, ныне Горсовете, отец показывал свои комнаты, где дети жили, где родители, между домами /два дома/ были ворота с вензелями - «И.В.К». Дети учились в гимназиях, все музицировали, отец был уникальным музыкантом. Одна из сестер, Менюшка, имела высшее образование, была театралка. Отец помнит, как привозили их всех на службу, у них было свое место в храме при всем народе» (Н.306).

Посещение храма

Традиции, связанные с посещением храма, были разными. Так, в Сусанинском районе определенное влияние на народное благочестие оказала близость Сумароковского и Железнодорожного монастырей. Оно сказалось в стремлении к регулярному посещению церковных служб, частому причащению. «Раньше причащение было каждую службу, каждый день, - вспоминает Г.А. Кузнецова. - И исповедовались часто, чем чаще, тем лучше» (1931 г.р. д. Быбышево Стремянниковского с/с Сусанинского р-на. Н 299). «Причащаться можно было через 6 недель, а добрые люди причащались каждое воскресенье, - рассказывает А.Г. Кашникова. - Перед причащением нужно поститься, читать молитвы. Вперед идет общая исповедь. А у кого были аборты, убийства - отдельно исповедуются и каются» (1921 г.р. д. Горки Сумароковского с/с Сусанинского района. Н 299.14).

В Парфеньевском районе «... исповедовались все - и стар и млад, взрослые исповедовались на 3-ей неделе, а поменьше - на 4-ой неделе. Чтобы защититься себя, носили при себе крестики, пояса, на которых написаны молитвы». (М.А. Шутова. Н 297). Однако в некоторых домах даже на праздничные службы допускалось, чтобы не вся семья посещала службу: «Храм посещали всей семьей (дома оставалась стряпуха), или в церковь ходил только хозяин дома, но так или иначе один человек из каждого дома обязательно шел в Божий храм». (В.К. Секованова. Н 297). В тех же местах упоминается о том, что причащались не всегда: «Причащались нечасто. Кто какие грехи согрешил, рассказываешь: «Батюшка, грешница я», и он отпускает тебе грехи» (А.А. Визгина. Н 297).

На территории Красносельского района до революции в праздники церковь старались посещать все домочадцы, кроме хозяйки, которая занималась приготовлением праздничного обеда (Лезина Е.Н. д. Выметово. Н.331).

В Кологривском районе, по воспоминаниям П.А. Румянцевой (1907 г.р., д. Березники Кологривского района), в храм «возили на лошадях и

ребятишек. Батюшка причащал маленьких. В школу стали ходить, на исповедь стали водить. Постились -похлебка, галанка, кисели всякие - гороховый, овсяный» (Н.306).

Обязательным считалось перекреститься при входе в церковь и при выходе из нее: «В церковь заходят и выходят, молятся, кто к какой иконе усердие держит, по двум сторонам иконы [...]По желанию отдают земной поклон, при этом читают молитву о земном поклоне: «Владыка живота моего, /Дух празнства и уныния моего/ Празнования и празнословия» (АА. Визгина. Н. 297). Особых строгостей в поведении верующих требовало посещение монастырского храма. Г.А. Кузнецова вспоминала: «Отвлекаться нельзя, выходить тоже нельзя. Во время чтения шестипсаломия даже креститься не положено, чтобы не создавать лишнего шума. Даже взора никуда нельзя устремлять. Монахи стояли с закрытыми глазами, молились, чтобы не отвлекаться. Опоздавшие даже не открывали двери во время чтения Евангелия, Апостола. Ждут, а потом заходят. Когда читают Евангелие, молящиеся стоят с преклоненной головой». (1931 г.р. д. Быбышево Стремянниковского с/с Сусанинского района. Н 299).

В Красносельском районе к празднику из сундуков вынимали соответствующий наряд по сезону - если лето, то шли в церковь босиком, в руках несли обувь, обувались перед входом в церковь (Лезина Е.Н. д. Выметово). В церковь одевались скромно, ярко было не положено. Во время службы поминали усопших родственников, после службы ходили на кладбище (Жерева А.Н., п. Красное. Н.331).

Одежда при посещении храма, особенно в праздничные дни, должна была быть нарядной. В Парфеньевском районе для женщин покупались разноцветные большие шали с кистями, один из концов выпускали на грудь. «Считалось, что лучше женщине бритой наголо, чем в храме быть с непокрытой головой, а мужчина должен снять шапку и не быть с непокрытыми руками». (В.К. Секованова. Н. 320.16). «Старушки одевали сарафаны, кофты нарядные» (А.А. Визгина. Н. 320.). «Девочки-подростки

отличались от девушек, молодых и замужних женщин, их наряды были немного попроще. На головах у них были платочки» (Т.В. Гарцева. Н. 320). «Случалось, делились одеждой, у кого много, просили поносить - сходить в церковь». (З.С. Гусева. Н. 320).

В Сусанинском районе отмечено: «На молитву в храм одевали лучшую одежду: замужние женщины одевались поскромнее» (Н.299.6). «В церковь из одежды одевали, что получше - и дети, и мужчины, и сами женщины». «Кто одевался побогаче - звалась славёна. Мужчины без головного убора, в костюме; а женщины одевали платья с длинными рукавами, повязывали платки. В праздники одевались в хорошее, в посте одевались похуже» (Н.299.14). У старообрядцев было принято так: «В церкви платок чистый, под булавочку, стоим рядами. Если не слушали - выводили из церкви. Пришла - и стой» (Н.299.15). По-разному одевались в праздники и в посты. «В посту не рядились в церкву-то, тёмные платки одевали. А в Христов день наряжались, да светлые платочки оденут. Детей много в церковь ходило. Мужички шляпки снимут да особнячком держатся» (Н.299.16). «В храм на молитву одевались строго: платье с длинным рукавом, чулки, платочек, длинная юбка. Одевали всё темное. Платье или блузка тёмные, белое не одевали. С голыми руками и ногами в церковь ходить было нельзя. На голове обязательно платок, шапочки или шляпки не надевали. Во время службы перевязывать платки нельзя, поэтому повязывали дома по два платочка. Мужчины всегда в темных костюмах, рубашка тоже темная, головной убор снимали при входе в церковь. В церкви находились с непокрытой головой. Детей одевали так же, как и сами взрослые. В посте носили одежду скромную, в праздник - наряжались: нарядная блузка, цветастый платочек шерстяной. Как говорили - в посте хоть в чем-нибудь. Причащаются в белых платочках. В шелковых платках в церковь не ходили» (Н.299.2). Однако, различия в одежде, используемой в праздник и в пост, существовали, видимо не везде. «В церковь ходили всегда нарядно. Особенно по большим праздникам» (Н.299.17). Но не все имели возможность одеваться нарядно: «Одевались, что

у кого было. Два платья, да туфли берегли, шли босиком, одевали около храма» (Н.299.19).

В Буйском районе на каждый праздник шились новые наряды. В Святки девушки гуляли семь вечеров, и на каждый день было новое платье. На каждый праздник у женщин был отдельный платок. Все наряды бережно хранились в сундуках. По словам Л.А. Малюткиной из с. Дор "платки, которые одевали в церковь, в другие дни носить было нельзя. У нас у матери были платки, в которых в церковь ходила, дак уж она не носила в простые дни. Она знала платки, в которых ходит в церковь, приходила домой, снимала и другой одевала. Надевала к разному празднику разные платки; разные платки были, но все она называла церковными. "Ты до моих платков не дотрогайся. Это церковные платки", - говорила она..." (Н.283. 6).

Жительница д. Малое Федорково Буйского района Е. А. Муравьева рассказала, что «у бедных платья в основном были простые, но все равно на каждый день праздника был новый наряд.[...] "...Обязательно, чтоб в Ильин день обновить платье... У женщин были шали большие, шли в храм, несли шали на руке, а вот у девушек были только платки. Им нельзя было носить шали. [...]Замужние женщины, конечно, не оденут шапочку, а всегда платочек. Юбки носили длинные, или платья, или что. Девчонки носили коротенькие платья. У женщин были юбки, зараньше у замужних юбки были длинные, и так это, поэтому, по юбке бахрамы сделаны, так красиво, она идет как посаженная.....Раньше мы носили косынки черные, такие они, с вырезами были, тонковатые. Которая косыночка вот так вот, прямо, а то другая прямо шарфами, вот так вот, длинные. В них ходили в праздники и в Ильин день одевали. Без спросу ничего не возьмешь. Все надо было спросить у мамы. [...]В этот праздник не причащались, причащались все больше в зимнее время." (Н.283. 7).

В Нерехтском районе записан обычай запасать обновы к престольному празднику: «К Троице, обязательно, шили новые платья и чтобы светло-розовые, голубые, белые и обязательно в цветочек, ну как бы летнее. А на

ногах камаши без чулок или плетеные из ниток баретки, которые вязались из толстых ниток или тряпочек по типу тапок. На голову вынимали из сундуков платки старинные, красивые, в основном шелковые или батистовые» (Н. 141.11). Кто побогаче, заказывали себе платье у портнихи, а кто победнее, шили сами, да и машины швейные были не у всех, так шили вручную - швейкой. Это такая дощечка со столбиком. На столбик наматывали конский волос, на нем и шили, строчка получалась, как на машинке. И идут все нарядные с веточками березок в церковь. Березку или акацию, а то и букет цветов святили в церкви» (Н.141. 25).

В п.Вохма было отмечено, что перед тем как идти в церковь, обязательно мылись в бане. Одевали лучшую одежду, кроме поста. Кто был издалека, то до церкви шел в одежде похуже, а перед храмом, обычно в сторожке, переодевались. Водили с собой и детей. На богослужении женщины стояли по левую сторону, а мужчины по правую. Женщины обязательно покрывали головы платком. Девушкам плели косу и также полагалось одевать платок. Волосы девушкам обрезать считалось большим грехом. Мужчины ходили в церковь с непокрытой головой, молились не только в церкви, но и дома (Н 323).

М.Н. Смирнова из с. Матвеево Парфеньевского района вспомнила о существовании приходского хора: «Когда в селе Матвеево существовала церковь, в ней был создан хор. Располагался он на двух клиросах: правая сторона - мужской хор, левая сторона - женский хор. Создателем и руководителем хора был местный житель села церковный регент Кузнецов Александр Степанович (знал нотную грамоту). Он имел камертон. Церковный хор был создан из молодежи села. Перед большими праздниками молодежь ходила на спевки, а в праздничные дни церковная служба сопровождалась церковным хором. Хорошие голоса были у жителей села: Лужковых, Суворовых, Смирновых, Кузнецовых...» (Н 297).

Часовни

Наряду с храмами строились и часовни.

В Парфеньевском районе отмечали, что часовни были в основном в тех населенных пунктах, где не было церкви, но были они и в селах, где церкви были. Часовни, если есть в селе церковь, строились недалеко от церкви. Например: «в Успенье часовня была в ограде недалеко от церкви» либо на кладбище. «В деревне часовни не было, на кладбище в селе Полома была Никольская церковь». В с. Матвеево были две часовни: «одна у кладбища, а другая у дороги, названа в честь Александра Невского» (Н.297).

В Парфеньеве о часовне, что у кладбища, есть такое предание, о котором рассказала М.Н. Смирнова: «В очень давние времена, когда Матвеево было еще деревней, жил в ней человек, по фамилии Матвеев. И сложилось о нем такое предание: был этот человек слепой и очень верующий, от Бога, много молился. Однажды ему приснился сон, что какой-то голос сказал ему: «Около села, в таком-то месте (указал во сне ему это место) течет ручей, и есть там ключик, бьющий из-под земли. Ты по три ночи сходи туда и умой лицо из этого ключика. Матвеев совет этот выполнил. По три ночи ходил к ручью и умывал лицо и глаза из этого ключика. Когда он умылся в последний раз и прочел благодарственную молитву Богу, то действительно прозрел и стал видеть. Спустя некоторое время, где бил этот ключик, Матвеев построил маленькую деревянную часовенку и часто ходил туда брать воду. Ходили за этой водой и жители села» (Н.297).

В Парфеньевском районе часовни по своим размерам были в основном небольшие, с учетом этого около часовни строились площадки: «Кругом часовни с трех сторон была площадка, обнесенная барьером. На этой площадке также молились, когда было много народу, и не все входили в часовню (д. Аносово)» (Н.297).

В часовне стояли иконы на специальных полочках. Перед ними ставились лампадки. Например, в Аносовской часовне над каждой иконой вешалось вышитое полотенце: «... Мама моя полотенце расшитое унесла. Над

каждой иконой вешали красивое вышитое полотенце». Обязанности хозяйственника в часовне распределялись или между жителями села, либо был один староста, или за часовней смотрела богомольная старушка. «На масло в лампадки собирали деньги со всех. Старухи сходят, купят. Был кто-то старший, он и зажигал лампадки. Нас, молодежь, заставляли полы мыть в часовне» (Аносовская часовня). «... Был при ней (часовне) и староста, у него были обязанности, как сейчас у завхоза. Смотрел за порядком в часовне (Матвеевская часовня) или: «Бабушка Агафья заведовала часовенкой, она была очень богомольной, следила за часовенкой, зажигала лампадки...» (Истоминская часовня) (Н.297).

Немногие помнят о том, что в часовне «служили часы». Вот что рассказывает В.К. Секованова: «В часовне служили «часы» в великом посте, и то не в простые дни, в среду или пятницу. Читал чтец (службы не было), читал он первый час, третий час, 6-й час и 9-й час» (Успенская часовня) (Н.297).

В деревне, где были часовни, отмечался часовенный праздник, или его просто называли также престольный. «В каждой деревне был часовенный праздник в качестве престольного дня, и всегда этот праздник отмечался... в д. Федюшино - Успенъев день, в д. Пузырево - Владимировская 8 сентября, в д. Раменье - Дмитриев день 8 ноября (Потрусовская с/а). В деревне Кукушино престольным днем (праздником) был Покров: «У нас был самый главный праздник Покров (14 октября)... Покров был назван престольным в честь иконы Пресвятой Богородицы» (Н.297).

В часовне выполнялись и другие ритуальные функции, такие, как отпевание покойника. «Покойников отпевали не только на дому, в большем случае - в часовне»

(Голубева В.И.), а также «в часовне останавливались для прощания с покойником» (Гарцева Т.В., с. Потрусово).

Об одной из часовен, стоявшей в Буйском районе в д. Старостино Контеевской сельской администрации, рассказывает О.И. Лапина: "Снаружи

общита тесом, часовня имела четвертой вход. С трех сторон на небольшой высоте от земли была сделана терраса, по которой можно было обойти вокруг часовни. Внутри были иконы. Вели службу священники после служб в церкви и обязательно в престольный праздник" (Н.283. 5).

По замечанию составителя реферата Буйского РОМЦ С.Ю. Бабушкиной, «строились часовни богатыми людьми, или кто считал себя очень грешным, или кто был сильно болен, вымаливая тем самым здоровья или прощения у Бога. А еще часовни строились на местах, где, по легенде, останавливался святой человек» (Н.283).

Со слов своей бабушки рассказал житель с. Ликурга А. Ю. Смирнов: "Часовня у нас была в д. Петровское, помню, раньше говорили, по этим местам шел преподобный Яков. Где он сидел, то там оставлял вбитый колышек, там и строили часовню, строил богатый человек Медведев" (Н.283. 10, с. Ликурга).

А вот в с. Контеево часовня была на кладбище (Н.283). В этой часовне отпевали только покойников, утопленников и удушенных. Если умирал человек, а в ближайшие дни должен быть престольный праздник, то по возможности похороны переносили на день праздника. Со слов Е. Д. Окуневой из п. Корега Буйского района, записано: "Умер человек, его хоронили, еще, примерно, перекидывали: сегодня можно хоронить, но завтра праздник, и лучше в праздник за обеденной хоть постоит..." (Н.283.3.)

В том же районе в с. Дор записан обычай, когда в часовню носили покойника просто постоять, а наутро его везли в церковь. Рассказывает Л. А. "В избах-то который раз было тепло, дак чтоб не испортился, нашивали (носили -ред.) ночевать покойника-то, с ним никто не оставался..." (Н.283.6.)

Однако наряду с этим часовни строились по обету и определенным случаям. В Буйском районе у Е. Д. Окуневой из п. Корега было записано, что "в Кореневе (деревня в 0,5 км от Игумнова) в Заговенье занесло теленка на крышу, и в этот день стали молиться..." (Н.283.8). А в д. Пилятино А. Д. Стоюнина вспомнила, что «летом шел градобой, и уничтожило все поле

ржаное градом, выбило, вот и молились, ходили вокруг поля. А еще моление было, то в сенокос случилась буря, луга были подкошены, поднялась буря, все смешало, не пойми чего где. В часовенке отслужат, а потом круг поля пойдут" (Н.283.12).

За порядком в часовне следили часовенные старосты. Об одной из них рассказала Е. А. Муравьева из д. Малое Федорково Буйского района: "У нас в деревне была специальная женщина, она - староста церковная. Она, значит, тамоди свечи зажигала в церкви и в часовенке, вот. Звали ее Вера Марковеевна, она не только зажигала, она тутотки и с подносом когда идет; помолятся-то - и она с блюдом. Подавали мы деньги, ложили в праздники, молились..." (Н.283. 7).

Православие в домашнем быту

Освящение вновь построенного дома в рефератах не отмечено, но бытование этой традиции не подлежит сомнению.

В Сусанинском районе дома освящались часто: «Освящались на Пасху, Ильин день, на Николу зимнего. При освящении дома использовал батюшка кадило и иконы. Святой водой освящали только в Троицу» (Н.299.2). «Святой водой освящали избу каждое Крещение. Священник ходил и освящал дома - кропил святой водой. Сначала молились все, и освящал святой водой. [...] Считалось, чем чаще освящали, тем лучше. А в Крещение обязательно. [...] Обязательно освящали дома, храмы после осквернения. Если, например, в храм зашел пьяный, то освящали, или, если забежала собака, тоже освящали, изгоняли нечистых духов» (Н.299.7).

В Вохомском районе также было отмечено, что по праздникам дома окропляли сзятой водой по углам. По большим праздникам дома освящали. Например, на другой день после Пасхи ставили в сутный угол (под Божницу) яндову с пшеницей. Приходил ;ьященник и ставил в пшеницу крест. Все домашние молились. После молитвы обходил лом с кадилом и святой водой. Пшеницу забирали с собой. Эту пшеницу мололи на муку и пекли просфири. Давали по одной на семью. Освящали также и поля. Просили в молитвах

хорошей погоды и богатого урожая, а заодно здоровья своей семье и скотине (Н 323).

В Сусанинском районе отмечено: «В доме иконы ставили в правом красном углу на специальную полочку, тябло. Тябло покрывали вышитой салфеткой и ставили иконы с вышитым полотенцем». «Все время украшали полотенцем. В деревнях украшали самодельными цветами, но это не приемлет церковь. Иконы украшали металлическим окладом, лозой с кистями винограда (жизнь начинается с винограда и в песнопениях есть про виноградную лозу). В церкви иконы украшались только живыми цветами, а цветы под позолоту ставили в вазах» (Н.299.7). По словам других иконы украшали самодельными бумажными цветами из специальной стружки, венками, вышитыми полотенцами и Н.299.3,4). В селе Сумарокове в Свято-Троицком монастыре самой большой иконой была икона Пресвятой Богородицы, отделанная бисером. Были и полотенца, расшитые бисером, так как при монастыре была мастерская по шитью бисером (Н.299.8).

Особенностью Сусанинского района, по воспоминаниям некоторых старожилов, было то, что «в доме была специальная комната для моления». «В домах, но не во всех, были маленькие комнаты» (Н.299.6). В них располагалось больше икон, чем в других комнатах» (Н.299.2). По другим сведениям, «в простых семьях не было такой комнаты, а вот в семьях помещика, купца, - светелка была молельней. Там служили домашнюю службу. Домашняя служба такая же, как церковная, только краткая. Но богачи и в церковь ходили» (Н.299.7). «В Зубове Сумароковского с\с посередине деревни находилась молебная комната. Это небольшой деревянный домик, где молились по утрам и вечерам. За ней присматривала какая-нибудь верующая женщина» (Н.299.2).

Очень подробно в Сусанинском районе удалось записать информацию о благочестивых обычаях, связанных с использованием дома книг, свечей и святой воды. Некоторые ставили святую воду в образном углу, на тябло рядом с иконами (Н.299.13).

Под иконами стол- тумбочка со множеством ящичков. В этих ящиках и хранили святую воду, свечи, книги» (Н.299.2). «Свечи лежали рядом с иконами. Лампаду зажигали свечой с молитвой «Господи, благослови» (Н.299.7). Среди информантов нет единства мнений в вопросе, какие свечи хранились в домах. Большинство из них считает, что «все свечи, венчальные, в том числе, хранились дома» (Н.299.2,13 и др.). А другие утверждали:

Венчальные свечи хранились в церкви и возжигались в церкви во время венчания».

Венчальные свечи домой не давали» (Н.299. 7).

Псалтырь использовали для домашней службы. «Домашние службы были почти в каждом доме. Читали Псалтырь» (Н.299.10). «Читали сами. Во время молитвы молитвенник ложили на круглый столик и читали духовные книги». (Н.299.2)! Духовные книги были у многих, но не у всех. Вот что вспоминает другой информант: «Книги были не у всех, а кто поближе был в храм. У нас не было. У которых были Библии» (Н.299. 19). Когда книг не хватало или не было совсем, их переписывали вручную». «Если в доме не было церковных книг или молитвенников, их переписывали от руки» (Н.299. 2). «Книги и тексты переписывали от руки. Целыми книгами в переплете» (Н.299. 7). По другим сведениям и «духовные стихи переписывали для себя. Были такие стихи: «Моление по Господу», «Перед образом Божьей Матери», «Перед Крестом», «О душе», «Небесный гость» и др. (Н.299. 4.). Духовные книги всегда особенно почитались у верующих. Их переписывали от руки, бережно хранили, передавали из поколения в поколение. Вот как об этом рассказывали информанты: «У нас есть Канонник, который достался от матери, а ей. даже не помним от кого. Библии, Евангелие, (Заповеди Божьи), Псалтырь (в Псалтыри 20 кафизм, читают по усопшим и так в повседневной жизни) - все книги старые. Книги хранили возле икон на тязло. Брали почитать друг у друга, отдавали молиться» (Н.299.3,4).

Обычно духовные книги хранились в образном углу возле икон на тязло (Н.299.5,6) или на столике возле икон. «Внизу, под иконами, стоял

специальный столик - тумбочка со множеством ящичков. В этих ящичках и хранились: святая вода, венчалные свечи, книги, молитвенники. Книги в ящичках накрывались салфетками» (Н.299.2). «Духовная книга лежала на столе в белой тряпочке. Перед иконой стоял иконостас, там и хранились Евангелие, Псалтырь» (Н.299.10).

В Парфеньевском районе отмечено, что в красном углу стояли образа Спасителя, Николая Чудотворца, Пантелеймона исцелителя, Богородицы, Троицы и др. По большим праздникам иконы украшали: «На Троицу мама ставила берёзку у иконы, в Вербное Воскресенье - вербочку, на Пасху - яйцо и пасху». Вместе с иконами люди хранили у иконок просвиру, свечи, ладан, святую воду, книги молитвенные. «Дедушка наш очень богомольный был. Дома утром, вечером молился перед иконами, книги богомольные читал, особенно по праздникам» (Н.320). Считалось, что присутствие в доме икон святых, переданных по наследству, имели силу покровительства роду. Если такую икону продать, то в роду пойдут несчастья: «У нас в роду несчастья начались после того, как бабушка продала нашу семейную реликвию - икону. Мама говорила ей: «Не надо продавать». У нас после этого начались несчастья. Умерла наша мама, нас осталось четверо малышей, потом сестру убил муж, осталось трое ребятишек. Недавно у другой сестры дом сгорел и малыш в доме. Все это мы считаем цепочкой одного несчастья - бабушка лишила нас нашей иконы-покровительницы» (Н.320).

Домашняя одежда тоже была скромной. М.Г. Бабушкина из с. Контеево вспоминает: "Платье у молодых с длинными рукавами, и обязательно в чулках. Женщины носили юбки, кофты, на голове кичка. А в праздник хозяйка ко столу все подавала, дак на ней всегда был красивый фартук, новый, специально для праздника. А детки малые ходили всяко, что сами им пошьем, но тоже все чистое..." (Н.283.2). По словам Н.Е. Смирнова (Буйский район, с. Ликурга), женщины "шаль одевали зимой и платочек обязательно, за стол не сядут без платочка - не положено, любой раз не положено, надо платочек одевать, любой одевать. У старушек были кички на голове, сшиты

на голову с ляпочками, а молодые платок одевали. Кички шили из любого материала - хлопок старенький. Сделают такую ленточку на голове-то, рубчиком сделают-то, а середочка гладенькая, кругленькая, а потом к ней пришивают-то, и кругом рубчики. У старушек раньше все такие были..." (Н.283. 9).

Молитва в доме

По словам Н.Н. Разовой, в Макарьевском районе утром, просыпаясь со сна, молились: «Благослови мя, Господи, на день грядущий». Перекрещивали крестным знаменем по три раза постели и весь дом, ограждая от нечистой силы читали «Отче наш», «Верую», «Ангелу хранителю», «Макарию Великому», преграждали лицо -умывались с молитвой: «Не лиши меня, Господи, око зрения, да ума-разума», «Господи, спаси и сохрани». Не прегражденному, т.е. неумытому, нельзя было садиться за стол и выходить на улицу, считалось большим грехом. Да и порча могла попасть на непрегражденное, неумытое лицо или поветрие, даже если она сделана на кого-то другого. Читали молитву «Царице Небесной» и «Николаю Чудотворцу».

«Святитель мой, Николай Чудотворче, помилуй мя и спаси во всех путях твоих от враг видимых и невидимых, от всякого зла. Аминь». Входя в дом с улицы, открывая дверь, говорили «Святой Дух в дом, супостат из дома вон» (Н.864).

Затопляя печь, творили молитву, защищая варево (то, что ставили в печь, варили и называли варевом) от сглаза, от нечистой силы, от порчи, а дом - от пожара и нападения злых духов: «Помяни, Господи, Небо и Землю, Адама и Еву, Царя Давида, Царя Константина, Отца Соломона и всю премудрость его, Лирика младенца и Мать его Улиту, срок сороковиков и сорок мучеников и четырнадцать тысяч младенцев, за Христа убиенных, во Царствии Твоем Небесном. Аминь. Аминь. Аминь» (Н.864).

Молились перед и после еды. Неблагословленным садиться за стол было грешно, и это особо почитали. Говорили: «Стол - престол, не молясь, не

садись - Господь накажет».

Родители и дети ели все вместе из общей посуды. Если на столе была мясная пища, брать мясо разрешалось только тогда, когда отец (тятенька) постучит по столу ложкой и пробует первым, и за ним по старшинству членов семьи начинали есть все остальные.

Из-за стола выходили, молясь, перекрестясь крестным знаменем три раза: «Благославя :пода молитвой, Слава Тебе Господи! Слава! Начиная и заканчивая любую работу, одарили Бога молитвой, и в каждом деле в течение каждого часа и всего дня: Господи Иисусе Христе, сыне Боже, помилуй мя грешного. Аминь три раза, или, Господи, прости мя грешного. Аминь. Аминь. Аминь». Вечером перед сном читали вечерние молитвы «Кресту Животворящему», «Отче наш», «Ангелу Хранителю», Макарию великому», «Царице Небесной». Отходя ко сну, заграждали все в доме, крестя крестным знаменем по три раза с молитвой: «Загради, Господи, все стены, окна, двери, все потолки, все щели и все трубы, благослови мя, Господи, на сон грядущий».

Собираясь в дальнюю дорогу, читают молитву «Хотящему идти в путь», «Благословенен Бог», «Боже, Боже Наш, истинный и живой будь, путешествовавший со слугою своим Иосифом, спутешествуй, Владыко, и рабу Твоему или рабам Твоим (имя) и какого обуревания и навета избави, и мир и благомощие паки устрой: всякие правды лромься творяща по заповедям Твоим, и, исполнена житейских и небесных благ бывши, паки возвратится благоволи. Яко Твое есть царство и слава Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь». На дорогу берут с собой обязательно «Живые помощи» для сохранения человека от разных бед в пути. Перед дальней дорогой, когда провожают из дому, все садятся, затем встают, крестятся и выходят из дома. Если по дороге в первую встречу попадает женщина с пустой сумкой или с пустым ведром, считалось большой неудачей, ждавшей в пути человека.

В лес ходили с молитвой, благословясь, чтобы не заблудиться, чтобы

леший не попутал, зверь не напал, от укуса змеи. Перед тем, как идти в лес, старались ни с кем не ругаться, не сквернословить. Если перед этим или по дороге в лес с кем-нибудь поругаешься, то обязательно в лесу заблудишься - леший водит. Бывает так уведет, да так заблудишься, что только благодаря Божьим молитвам выйдешь из леса: «Мати Мария, где ж ты была ночевала, а была я в городе Граде и приснился мне сон про Иисуса Христа. Иисуса Христа распяли на дереве кипарисе. Руки-ноги приковали, бока копьями разбодали, и вознесся он на Синайские горы. На Синайских горах лежит серый камень, и сидит на том камне Ангел Господень и читает Господнюю книгу. Ты не плачь, Мати Мария, твой Сын занесен в списки отдаться жене Мироносице. Жена Мироносица разнесет по всему свету, по всему миру. Кто бы этот сон знал, кто бы видел, кто бы говорил три раза, тот будет спасен от потопа топущего, от зверя едущего, от грома гремущего. В лесу тот не заблудится, на народе не ославится, в огне не сгорит, в суде не осудится. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Ныне и присно и во веки веков. Аминь». Эту же молитву творили во всякое время перед грозой, перед бурей. Она помогает от многих несчастий и бед.

От укуса змей читают короткую молитву при входе в лес: «Вознесение бывает в четверг!» Если на дворе не водилась скотина, а такое часто бывало в народе, делали так: брали сито (решето), перевертывали его кверху дном, клали в него золу и обходили весь двор со словами: «Батюшка домовой, люби мою скотинушку до каждой шерстинушки, какой бы шерстью ни была, а тебе мила была. А ты, чужой домовой, поди на свой двор, эта скотина тебе не мила и шерстью не бела, а ты, Мать Пресвятая Богородица, круг двора ходила, здоровья молила, кому продавала, а моей скотине так давала» (Н.864).

В Парфеньевском районе составители реферата отмечали, что дети еще дома учились молиться, потом их брали с собой на молебен в церковь и там учили правилам.

Дети постились дома, так же как и взрослые, с 7-8 лет: «Бабушка и

папа с мамой давали ложкой по лбу, если перед едой не крестились, перед тем как взять хлеб в руки». Все же раньше родители не были оторваны от детей своими ежедневными занятиями или службой, они жили с ними общей жизнью (Н.320).

Стол

В Парфеньевском районе, с давних времен и по сей день, люди пожилого возраста относились к столу, как к святыне. Как сказала В.И. Голубева, «с особым благоговением. Даже из своих детских воспоминаний помню, как бабушка моя говорила: «Нельзя на столе сидеть, а то Боженка накажет». Стол называли «престолом», либо «Божий престол». Стол стоял в переднем углу под иконами. В праздники стол накрывали домотканой скатертью. Называли ее столешник, столешница, салфетка. На стол ставили образ, зажигали свечки. А.А. Визгина говорит, что стол накрывали в праздник венчальной скатертью. «Когда садились обедать, эту скатерть убирали, стелили другую» (Н.297).

Существовало множество запретов относительно стола. «Нельзя было ложить, садить или пеленать ребенка». «... .Чтобы на стол ничего грязного не ставить. Бабушка скажет: «Да ты что, матка, ноги ложить на стол-то. Ничего на нем не делали, только кушали, пироги разделявали. Когда избу мыли, на стол не вставали, делали «леса» специальные. У нас низкий был потолок. Мама скажет: «Мой со стола, я молитву прочитаю». Прочитает, обрызнет святой водой» (В. Пчеловодова, д. Аносово). «По столу нельзя бить кулаком, даже яичко нельзя было разбить». (Секованова В.К. с. Успенье). «Если стукнешь кулаком по столу, то родители и по лбу могли дать. Сидеть за столом во время еды нужно было, пока не закончат трапезу. Нельзя было даже облакачиваться на стол. В этом случае говорили так: «Семь сыновей не откормили еще». Ноги ставить на перекладину внизу стола можно было только хозяину дома. Хозяин дома в праздники за стол садился лицом к иконе (Н.297).

Люди наделяли стол чудотворной силой. Вспоминает такой случай

Гусева З.Е.: «Помню, как потерялись овцы в одной семье и мать перепутала суровой ниткой ножки стола крест-накрест и приговаривала: «Как ножки стола путаются, так и скотинушка придет домой». Существовал и такой обычай: чтобы свадьба прошла хорошо, нужно обойти вокруг стола» (Н.297).

В Буйском районе со слов Е.Д. Окуновой (п. Корёга) записано: "...Скатерть стлали белую, столешницу. Раньше обедали - на каждый обед стлали столешничек, без него не обедали; как собирали обедать, так и столешничек на стол..." (Н.283.8). Столешники были обеденные, молебные, праздничные. Обеденный столешничек стлали каждый день, как только садились за стол, молебный - когда молились или приходил в дом батюшка, праздничный - только по праздникам.

В обычные дни за столом ели всегда молча, садились только помолвившись. Большим грехом считалось сесть за стол обедать, перед этим не помолвившись. Большим грехом также считалось стукнуть по столу или, не дай Бог, обругнуться за столом. Под иконами в обычные дни, когда в доме не было гостей, сидел хозяин, а в праздничные дни сидел с краю, чтобы хорошо угостить гостей. После еды стол всегда обтирали. По субботам и перед праздником скоблили его ножом, чистили песком. Если у кого что пропадет, привязывали полотенце вокруг ножек, говорили: "Шут-шут, поиграл - отдай обратно". И вещи находились, как говорили люди, и скотина пропавшая возвращалась домой. Существовали различные приметы, связанные со столом:

- Если девушка обойдет стол кругом, говорили, столько у нее детей будет, сколько и усядется за этим столом.

- На угол неженатых и незамужних не сажали, говорили, что еще холостой семь лет будешь.

- Стряхивать крошки со стола голой рукой - бедным будешь.

- Шапку на стол класть нельзя - не к добру.

- Нельзя было сидеть на столе - умрет кто-то из родителей (Н.283.8).

Тайная милостыня

В Парфеньевском районе отмечали, что «тайная милостыня существовала, но не везде. В основном что-то съестное клали на крылечко, окно или завалинку. Там, где не было тайной милостыни, нищих всегда угощали и принимали. В.И. Голубева рассказала о таком обычае: «Первый нищий заходит в дом, то его спрашивают, как его или ее зовут, а спрашивали девушки. Нищий отвечает, и так будут звать жениха или свекровь» (Н.297). «Тайная милостыня - это дается для очищения своего греха, как гасит вода огонь, так милостыня гасит грех. Милостыню подашь тайно, Господь подает явно, а кто взял эту милостыню, должен помолиться, чтобы Господь простил ее (его) грех» (В.К. Секованова, Н.297).

Требы вне дома

В Буйском районе отмечены крестные ходы с иконами по деревням, главным образом, в престольные праздники. По словам Е.А. Муравьевой (д. Малое Федорково): "...Зараныне в Ильин день у нас, вот всю деревню, всю с иконам обходили. Вот сколько у нас деревень: Княжево, М. Федорково, Овечкино, Пургасово, и вот мы все ходили девчонкам с этим. Носили иконы. Священник вперед, а мы за ним, значит, в каждый дом, он ходил в сам престольный праздник, вперед в часовенке отслужит, а потом деревню всю проходил... Священник в дом входит - всегда перекрестится и потом начинает молитву. Как приходит священник, а с ним староста церковная все ходила, значит. Там она ему и подпевает. Он прочитает все всем, празднику Ильину дню, что ему нужно, все молитвы, и мы, значит, молимся. В каждый дом, в каждый дом. Священнику подавали кто чем: кто там яичком, кто тамоди деньгами, кто чем, зараныне полотенца красивые ткали..." (Н.283.7).

В том же районе, по словам Е.Д. Окуневой: "...В Игумнове праздновали праздник престольный, осенний и летний, накануне праздника батюшка ходил по домам и молился, корежский отец Петр. Батюшка ходил с дьячком Василием Николаевичем, это было в 20-е годы. Батюшка брал икону в часовенке и ходил по домам с утра, у нас было 45 дворов, скоро ли их

обойдешь? Он служил, ему ничего не давали. Пришел батюшка, накрываешь столешничек нарощный, молебный был, чашка воды, тарелочка перед водой, соль, два яичка, рядом хлебушко, вот и молились над этим. Благословляя, везде окроплял, с кадилом ходил, везде походит. И так все дворы обходит. Кто примаёт, были кто и не примал: партийные или дома не было. Накануне обойдет, а в саму Казанскую служба в часовне (Н.283.8).

В д. Овсянниково Буйского района, по словам Л.С. Аккуратовой, обычай сбора пожертвований в деревне и молебна был связан с пожаром. "В этот день, говорят, горела деревня, что ли, и вот, значит, праздник стали. Молебен в церкви заказывали. Была монашка у нас, Мария Ивановна Чуркина, собирала, значит, ну, в деревне. А потом молебен там заказывали, значит, ну, в деревне в церкви заказывали, именно в тот день. А собирала яичек, кто что даст" (Н.283.1).

Престольные праздники

В Красносельском районе, по словам составителей реферата (Н.331), в предпраздничные дни прекращалась работа на полях, а также на частных предприятиях (в поселке Красное-на-Волге были частные ювелирные мастерские, а также сапожные и др.).

В поселке Красное уборку в домах начинали за две недели до престольного праздника. Мыли всё кругом речным песком специальным веником-голиком (Жердева А.Н., п. Красное). Стены в горнице мыли щёткой со свищем (свищ - травянистая мочалка), а полы терли речным песком. Стирала дмотканый половик-дорожку, стирали занавески и вешали все чистое. Дети-подростки помогали отцу прибираться вокруг каждого дома. Прибирали еще и часть улицы, прилегающую к дому. Дети пели прибаутку: «Веничком под порог, А веничек – дорог» (Лезина Е.Н., д. Выметово, Прискоковского с\с Красносельского района). Иконы натирали кирпичом, который предварительно размельчали, а воду выливали в огород, как удобрение. (Галкина А.С., п. Красное). А также иконы чистили еще и квасом тряпочку мочат в закваске, затем в крошку красного кирпича, затем

вытирают до блеска сой тряпкой, а лико иконы протирали чистой тряпкой, смоченной в чистой воде. Некоторые иконы чистили зубным порошком. Затем, поставив икону в угол на божницу, освящали святой водой (Лезина Е.Н., д. Выметово. Н.331).

По словам Е.А. Муравьевой из д. Малое Федорково Буйского района, Ильин день ли только три дня: первый день - в д. Княжево, второй - в д. Малое Федорково, а третий день - это в деревнях Пургасово и Овечкино. Праздник назывался гульбой, подготовка к нему начиналась задолго. Заготавливали и хранили специально для праздника различные продукты. Наводился везде порядок: в хлеву, в доме, на улице, на дворе и других местах. В Романцеве в Ильин день пиво не варили, пили самогонку. Заранее самогонку пили. Самогонку делали из хлеба. Выращивают рожь, ее солодят; тогда насолодеет, ее высушат и мололи в жернова, из этого получали солод. Потом в галочку, и прибалтывает отец прямо в ней, в этой кадочке. Она выходится, и гнали. Муку Зашпаривают прямо кипятком. Она ходит. А гнали аппаратом. У нас были овины, аппараты были в овинах, тамоди печка, это кирпичная-то, труба. И дальше не помню..."

В первую очередь, когда убирали в доме, начинали обтирать иконы, потом стены, давки, мосты. Обязательно убирали у дома. Когда соблюли чистоту в доме, самим тоже надо было помыться перед праздником. Мылись за два дня. Заранее у нас бани-то не было, мылись в печках. Если Ильин день приходится или там - то накануне. Если был в четверг, мылись во вторник или в среду..." Лампадки перед праздником зажигали, когда начинается заутреня (Н.283).

В Парфеньевском районе за несколько дней до праздника убирались в доме, во дворе», возле дома и на улицах деревни (села). Порядок наведения чистоты был таким: ... уборку начинали сначала вокруг дома, потом только в доме обтирали иконы; сметали везде пыль, намывали полы...» (Робова Н.К.). «Улицу убирала вся деревня» Целикова А.Ф.). Если праздник был в летнее время года, то улицы подметали, и «у каждого дома все мелось под метелку»

(Секованова В.К.). «Потом и двор убирали, солому чистую на двор стелили скотине» (Поспехова Л.В.). После этого приступают к наведению порядка в доме и сенях: «все кругом лижут и моют» (Н.297).

В первую очередь мыли (или чистили) иконы. «Первой водой мыли иконы, перекрестятся и чистят» (Тараканова Е.А.). Перед началом «читалась молитва «Святы боже, святы крести, спаси и помилуй нас»... Иконы мылись из блюда, в котором едят, и мыл только тот человек, женщина, которая не спала с мужем, или их мыла старая бабка»... (Голубева В.И.). Перед мытьем иконы читали и другую молитву: «Во имя отца и сына...». Мыть иконы нужно только чистой водой и чистой тряпочкой. Воду выливают в угол под образами или под правый угол дома. Мыть икону - значит смыть с нее нечистую силу: ... «батюшка говорит: «Почаще мойте нечисть от образов»... (Романова Н.К.) Иконы, как рассказывает Целикова А.Ф., чистили мелом, потом протирали и мыли, а вот Смирнова М.Н. (с. Матвеево) говорит, что у них иконы только протирали от пыли. Чистота и порядок наводились в доме: «Избы-то раньше неклеенные были, бревна были черные, закопченные. Стирали все, мыли. Белье перестирывали...» (Замышляева Е.А. Н.297).

В Буйском районе престольные праздники «часто называли пивной или гудевой или говорили: «Сегодня в Колотилове свал, а завтра в Спасе свал» (Н.283).

По общему мнению, празднование престольных летних праздников отличается от празднования зимних, осенних. Зимние праздники - это чаще всего беседы, вечерины, а летние - это массовое гуляние по улице. Михайлов день праздновали по всему приходу целую неделю. "...Михайловская по всему приходу, всю неделю празднуют. Вот, например, я у тебя гостил, а приходи ко мне в Михайловскую. Всю вот неделю идет, от 21 ноября. И в Поповке там свал, и у Спаса свал, праздник, гуляние - это свал. Вот уж с Михайловской начинают беседы. Молодежь гуляла. Сейчас эскатека, а раньше вечерины. Пойдем проситься к кому-нибудь на вечерины, кто пустит. Нас тета Шура Веселова пускала. Мы вот откуртомим. По ведру картошки с

девки и с робят по ведру картошки, и скажет, дров мне привезите, даст нам быка. Уж и Масленицу отгуляем, потом откуртомим, Михайловскую и другие дни..." (Н.283).

По воспоминаниям М.Г. Бабушкиной, (с. Контеево Буйского района) подготовка к престольному празднику Успеньеву дню начиналась за неделю с уборки помещений, как на улице, так и в доме: "К этому дню все противешки бежишь на реку, вымоешь, все кастрюли, чего там есть, чугуны, все на реке промоешь, пойдешь набивать два матраса соломой, уж молотилки молотят всюю. На соломенных матрасах-то спали. Столы вымоешь с песком и галошей трешь. Начинали, опахивали, а пол до улицы галошей.

Примоешься и пойдешь противни, вилки чистить на Сендегу (река).....На праздник обязательно вымоешься. Мылись за два дня в печке. Если помоешься накануне праздника, то подопреют пироги. В печке-то ведь намочишь. Вот приберемся, вымоемся, а уж потом только стряпаем..." (Н.283.2).

Она же вспоминала об обязательном посещении церкви накануне и в день праздника: "...Перед праздником помазуют в церкви, помазуют всегда перед большим праздником. Ходили все: и молодежь, и старики, и дети. Наутро тоже ходили и были в церкви часов до 12, а гости сходились часам к двум-трем дня. Садись за стол, посидят, поедят и пойдут гулять, часам к шести-семи народу уж много. Два дня гуляли, улица захлебнется народом-то. В первый день улица захлебнется, где кадрель гуляют, где дерутся, где поют, где пляшут. Ведь захлебнется улица народом..." На второй день с утра хозяйка собирала стол. И снова выходят на улицу и гуляют. Гуляют на второй день до самого вечера, расходятся только в теи. На праздничное застолье обязательно пекли пироги. Варили ягодные кисели, тушили картошку. Если мяса не запасали, то специально на праздник выращивали птицу: петухов, уток. Варили супы и тушили картофель с мясом птицы, остальные закуски готовились из своих же домашних продуктов: ягоды, огурцы, молоко, грибы, капуста (Н.283.2).

В Мантуровском районе, по воспоминаниям Воробьевой Александры Павловны 1904 года рождения, пенсионерки, уроженки д. Городищево Леонтьевского с/с, удалось записать подробности празднования Егорьева дня как престольного праздника вплоть до 1937 года, пока в селе Георгиевское оставалась действующей церковью. В эти дни в церкви проходили большие праздничные службы, пел церковный хор, вокруг церкви совершался крестный ход с иконой святого Георгия Победоносца, покровителя скота, был обычай принимать в этот день гостей. На пожертвования церкви готовился обед для всех гостей, пришедших и приехавших на праздник, а также кормили всех нищих, убогих, бездомных.

Накануне приезжали торговые люди с разных сторон, Макарьева, Кологрива, они расставляли свои торговые балаганы, и с утра следующего дня начинал свою работу праздничный базар. Торговцы вели бойкую продажу розничного товара, предлагая: кружева, ленты, бусы, пряники, конфеты, чай, водку, подсолнечное масло, пуговицы, платки, орудия труда. Местные мастера и мастерицы продавали свой товар: холсты, лапти, кожи.

Праздник продолжался три дня и все три дня продолжал свою работу праздничный базар. Праздничное гуляние начиналось со второй половины дня, все от мала до велика собирались на поляне недалеко от церкви, ходили кругами, пели, плясали, качались на качелях, играли. Гуляние оканчивалось далеко за полночь, на другой день гуляние продолжалось... (Н.124).

Однако, этот же праздник Егорьев день в Халбужском приходе считался обещанным и, по словам составителя реферата, «не стоит его путать с престольным. По легенде, в этом приходе был большой падеж скота, и люди решили, что разгневался Егорий-батюшка и нужно его умиловать». Со слов Соловьевой Августы Николаевны, 1912 года рождения, д. Малые Угоры «5 мая с вечера, пока не спят, у нас ходили славить Егория, славили мужики и парни, женщины и девушки не ходили, вишь, это ведь мужчина, Егорий -то». Мужчины с иконой Егория и с котомкой ходили по дворам и пели:

Батюшка Егорий, Макарий преподобный,
Спаси нашу скотинку, всю животинку,
Спаси и сохрани.
В поле за полем, в лесе и за лесом,
За крутыми за горами, за быстрыми за реками
Дикому зверю, волку да медведю
Пень да колода, по заморю дорога.
Нашим-то тёлонькам травка да муравка,
Зелёный лужок.
Скотинка на поле пойдёт,
Господин, сударь-барин.
Встань, обудися,
Егорью поклонися.
Мы Егория величали,
Его по полю носили,
Божей милости просили:
Тёлоньке - телиться,
Свинке - пороситься,
Бяшеньке - ягниться,
Курочке - нестися,
Петеньке - топчися,
Богу-то - на - свечку,
А нам - по яичку.
Кто не даст яйца - околеет овца.
Пожалел яичко? - Где овечка? или
Вашу-то телушку волкам на закуску.

Последние слова могли сбыться, так считалось. И поэтому в Егорьев день подавали охотно, подавали деньги, яйца, водку, пироги, у кого что припасено (П. 124).

В Мантуровском районе обещанный праздник святых Фрола и Лавра,

покровителей коней, праздновался не в одном приходе, а сразу в нескольких: в Георгиевской, Богородицком, Николомокровском, Казанском. Местное название праздника Флоры, праздновался он 31 августа.

«В незапамятные времена в д. Городищево Георгиевского прихода пало много коней, поэтому жители деревни пообещали праздновать Фролы ежегодно. Праздник праздновался три дня. Рано утром, еще затемно, каждый хозяин водил своего коня на реку купать. Вымыв, вычистив, хозяин возвращался домой, где ребяташки расчёсывали лошадям гривы, вплетали им яркие ленты, затем коней святили. И работать на них в этот день считалось большим грехом. Начинался праздник с обедни в церкви. Отслужив обедню, все прихожане во главе с попами Олексаном и Иваном с иконами шли по полям, там служили молебн. Обойдя поля, возвращались в деревню, шли по дворам святили коней. На этом заканчивалась первая часть праздника. Вторая часть праздника начиналась часов с двух, все сходились на гулянку в выгоне деревни Шулёво. Там ходили кругами, плясали, а вечером в деревне Городищево гуляли в каждом доме, в гости съезжались родственники со всей округи (Н.124).

Этот же праздник в деревне Елизарово Богородицкого прихода (ныне Мантуровский район) начинался тоже с молебна в часовне. После молебна обходили с иконами поля, освящали их, затем ходили по дворам, святили скотину. По воспоминаниям Сиротиной Анастасии Александровны 1915 года рождения, во Фролы был «круг», варили кашу, делали квас. Квас собирали по домам, его делала каждая хозяйка. Всем селением брали животину - барана. Накануне его кололи, ляжку носили в часовню Богу». Перед праздником в деревне собирали сход и назначали, кто будет варить. Варили в котлах на костре. Приглашали всех, кому не лень. Приходили со своей посудой, сидели прямо на траве. «Говорят, один мужик, так по кругу-то наелся, да упади у него шляпа, так ведь не мог наклониться, пришлось шляпу до дому-то ногой пинать» (Н 124).

По воспоминаниям жительницы Мантуровского района Несмеловой

Александры Васильевны, 1910 года рождения, и Смирновой Евгении Федоровны в д. Паршино Николомокровского прихода на Фролы приглашали в деревню священника, который вместе с верующими ходил вокруг деревни с иконами, святил поля, в каждом дворе святил скотину. Во дворах маленькие ребята пели:

Уж ты, батюшко - отец, бим-бим-бом,
Окропи моих овец, бим-бим-бом,
Уж ты, батько, не забудь, бим-бим-бом,
Окропи мою кобылку, бим-бим-бом.

Батюшка освящал и говорил: «Благодать святого духа» (Н.124).

В Нерехтском районе в д. Василькова Троица был обрядным праздником. Весь приход собирался в одну церковь. В церкви ставили большие березки и акации, а на икону Божьей Матери плели венок. Из церкви шли, с собой иконы несли - был крестный ход. А уж в деревне встречали - посреди деревни ставили стол. И около этого стола все вставляли с иконами в ряд, батюшка ставил святую воду, пели водосвятный молебен, а потом все жители ходили вокруг деревни, пригоняли скотину из луга, окропляли ее святой водой, окропляли дома и подворья (Н. 141.12). В д. Волосково после обедни по домам с иконой и молебном шли батюшка и староста. После каждого молебна в каждом доме им что-то подавали съестное. А на праздник пекли все сами. Кто побогаче - белые пироги, которые называли преженцами, а кто победнее - сгибушки и ржаные калачи (Н. 141.14).

Там же «на Троицу качели строили. Мне деревянные делал дед. Между двух больших деревьев прибивали толстую жердь, две жерди как-то приделывали к ней, а внизу делали для сиденья, как делали, не знаю, умудрялись. А то из веревок у других были. Я как-то хмузнулась с качели, отбила все» (Н.141.5). А в д. Волосково мужики в Троицу играли в городки, а на проигравшем ездили верхом, а бабы сидели под окошком, любовались и переживали, кто на ком поедет (Н. 141.14). В этот день часто случались

драчи. Ребята начинали с песен, партия на партию. Одна партия песни поют, другая партия - им встречу. Пляску начнут, пляшут, пляшут, чтобы переплясать, а потом и драчу устроят (Н.141.12). В этот день ходили и в соседние деревни, у кого тоже был обрядный праздник Троица. Так из д. Васильково, из Лужков ходили в Ёмсну. С песней ходили все вместе друг перед дружкой - стенка на стенку, а притопы были - дробилки. А ребята пойдут вприсядку друг перед другом и начнут отчебучивать (Н.141).

По словам составителей реферата (Н.293), в Буйском районе на престольный праздник в Ильин день обязательно варили мясной суп, мясо вялили для супа еще зимой, когда резали скот. Обязательно варили кашу, пекли пироги. Супы подавали в первую очередь. За праздничным столом хозяин сидел с краю, потому что угощает гостей. Хозяйка, то есть его жена, за стол, пока не угостит гостей, не садится. Подает закуски и ухаживает за гостями. Если девушек и парней было много в этом доме на праздник, то для них делали отдельный стол. "...Зараньше вот как девушек и парней много - собирали отдельный стол. Вот мама угостит гостей своих, и я привожу девчонок, женишков тут вместе. Для молодежи старались сделать стол получше, повкуснее. Ставили им маленькие рюмочки. И если девушка сидит за столом со своим женихом, она только пригубит, а пить не будет..." Уходя, гости благодарили хозяев за угощение. В первую очередь на праздник приглашали родных близких, сестер, братьев. В некоторых домах хозяйка собирала по три стола. Очень много собиралось родственников и приглашенных.

Молодежь, посидевши за столом, выходила гулять на улицу. Постепенно расходились парами. Девчонки, кто не с парнем, гуляют по одной стороне улицы, а парами - по другой. А на другой праздник мы ходили отгашивать. На 9-ю Пятницу ходили в Большое Федорково, в Поповку (деревни этого же прихода), ходили и по Ликурге, и по Залесью (деревни Ликургского прихода)..." (Н.283).

В Парфеньевском районе на престольный праздник приглашали в гости

в первую очередь родственников: «...Если были живы мать и отец, то звали их, сестер, братьев, а потом двоюродных и всю остальную родню» (В.И. Голубева. Н.297). Без приглашения никто не приходил, а если кто придет, как говорит Е.Н.Тараканова, его звали нахалом. Поскольку в одной деревне (селе) проживало много родни, то гуляющие на празднике люди переходили из дома в дом: «Когда посидят в одном доме, на другой день собирались опять же все родственники, только в другой деревне (это если престольный праздник отмечался сразу в нескольких деревнях, например, в Спасов день день ходили гулять в д. Григорово, Никола-Ширь, Ильинское и т.д.) или же в своей, но тоже у родственников» Е.Н.Тараканова. Н.297).

На праздник приходили с ночёвкой. «Гуляли праздник по 3 дня, на 2-й день и 3-й -ходили друг к другу в гости все соседи. Соседи ходили без приглашения: «На праздник мог любой прийти в гости. Бабушка говорила: «Праздник по звону, свадьба - по зову». Был еще такой обычай, рассказывает В.К. Секованова (с. Успенье): «соседям, если у них в хозяйстве нет коровы, то обносили их молоком и яйцами». «Раньше все дети старались на престольный праздник приехать к родителям в гости» - говорит В.И. Голубева. Если девушки шли в престольный праздник в беседу в другую деревню, то брали с собой обязательно «куфтырь», в котором были 2 платья, в 12 часов наряд меняли. «Они (девки) куфтыря наворачуют передеваться. Платья-то ситцевые были... Покушают - свожу, да переоденутся, попудрятся, порумянятся, гвоздем навьют челку и пойдут опять в беседу. А у их праздник, они нас забирают к себе, там и ночевали» (Кузина А.Д., д. Задорино. Н.297).

Конечно, отмечали не только престольные праздники. В Сусанинском районе особенно тщательно «к Пасхе избы мыли. Делали помочи (т.е. помогали друг другу). Мыли мочалками из розги, драили песком, полы скоблили ножом, терли голиком с песком. Ведь раньше-то обоев не было, все было дерево кругом. А когда избу вымоют, да не в одной воде - стены, пол, столы были желтого цвета. Ложили чистые домотканые половики, на зеркала

вешали полотенца вышитые и обвязанные крючком, на кровати вязаные крючком покрывала, такие же вязаные скатерти. За помочи хозяйка кормила обедом, чаем, кто подносил рюмочку» (Н.299. 21).

Работа в праздник

Большинство рассказчиков, записанных в Сусанинском районе, сходятся во мнении, что работа в праздничные дни считалась грехом, а потому запрещалась. «В праздники все работы запрещались. Говорили: в праздник ребенку на соску не заработаешь. Все были в храме, прогулом не считалось» (Н.299.10). «В праздник не работали ни в поле, ни дома». (Н.299.2) «В Духов день и в Троицу запрещалось работать с землей» (Н. 299.14).

Тех, кто нарушал, осуждали сами же люди. Иногда работа в праздник совпадала с каким-либо происшествием или бедствием (порой стихийным). Тогда люди думали, что их настигла Божья кара. Интересны два таких случая. «В Веремееве, Гольцеве и Рогозках престольный праздник был Моленье. Так в этот день все Рогозки разнесло ураганом. Нужно было молиться в церковь, а некоторые работали. Люди пришли из церкви, а дома тех, кто работал, ураганом разнесло. Ураган был страшный» (Н.299.28).

А вот еще случай: «Мама рассказывала, что однажды в праздник мужики на молебен не пошли, ушли на рыбалку. Так случился пожар, много домов погорело даже каменных, и люди в пожаре погибли. Старые люди связывали этот пожар с тем, что был нарушен ход праздника «Кирика Улиты» (Н.299.29).

Однако другие говорят: «Неотложные работы все делались. Скотину учаивали. Нельзя было стирать, пол мыть, мыться в праздник» (Н.299. 7). Некоторые допускают возможность работы в праздник, но после посещения церкви. «Отец Николай говорил: кто в церковь не ходит, у того и праздника нет, а кто ходит, после обедни можно и поработать, помолясь: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Работай и молись» (Н.299.3,4).

Работа в праздники считалась грехом. По словам А.В. Смирновой из п. Сусанино, ей соседка рассказывала: «Жили муж с женой. Она всегда стирала по праздникам. Муж ее в церковь не отпускал. Однажды ехал на машине. Видит, старушка идет, грязная вся. Он остановился, посадил ее. Разговорились. «Что это ты, бабушка, такая грязная-то?» - «А то, батюшко, что твоя жена стирает по праздникам и на меня воду выливает, вот я и грязная. А ты маму-то в храм отпускаяй». Проехали немного. Старушка вышла. Он поглядел, а ее нет, как и не было. Уж потом понял-то, что это Богородица сама была» (Н.299. 19).

Монастыри

Рассказы о монастырях в рефератах практически не встречаются, но значительная часть преданий, записанных в Сусанинском районе, связана с именем матушки Веры Меркуловой, которая подвизалась в разных обителях, но в советское время жила в миру. Некоторые рассказчики сами видели ее: «Помню меня водили к матушке Вере. Отдали меня в дочки к маминой племяннице, я плохо приживалась, заставляли мамой и папой звать, а мне не назвать. Решили сводить к матушке Вере. Пришли, она благословила. А говорит тетка: «Я хочу взять себе в дочки эту девочку». Мать Вера посмотрела на меня и говорит: «Не бери, она вам будет не нужна». Было мне шесть лет. Пришли мы домой, легла я, ничего у меня не болит, а все, как ватное. Тетка думала, что я заболела, испугалась. И отвезла домой. Как я залезла на печку, так и ожила» (Н.299.3).

По словам А.В. Цветковой (1923 г.р., д. Соломино Сумаровского с/с Сусанинского района), «мать Вера была дворянского происхождения. Ходила зимой босиком. И тогда ее решили проверить большевики, сможет ли она выдержать и раскаленное железо. Ее куда-то водили, и, по словам самой же матушки Веры, ставили на раскаленную плиту. Потом ходить она уже не могла, только сидела в коляске. Матушка Вера благословляла людей, предсказывала будущее. Мать ходила к матушке Вере благословлять свою первую новорожденную дочь (они были подругами). Сказала: «Мать Вера,

благослови и одари». И мать Вера дала ей маленькое белое платьице, белое-белое, и облила его лампадным маслом. А мать и спрашивает: «Что же ты сделала? Платье-то испорчено». На это матушка Вера ответила: «Ей хватит и этого наряда». И спустя две недели девочка умерла. Потом А.В. Цветкова сама ходила к матушке Вере, и ей Верушка дала ниточку, связанную кругом, и сказала, что всю жизнь она будет ходить по кругу. И правда, всю жизнь проработала на тракторе и объездила весь Сусанинский район (Н.299.8).

По словам Н.А. Беляевой, «была в селе Сумароково своя святая Меркурьева Вера, которую все звали мать Вера или просто Верушка. Жила она в монастыре при церкви. Принимала прихожан, сидя в кресле вся в белом. Соколова Тамара Петровна хранит фотографию Верушки. К ней приходило очень много народу, кто за советом, кто - за благословением. Приезжали издалека. Благословляла мать Вера, но не вслух. Кого и прогонит, чувствовала душу человека. Если человек без нужды, так посмеяться пришел, обязательно прогонит и теми же словами скажет, какими насмешник над ней насмеялся.

Удивлялись люди, откуда могла знать мать Вера, что этот человек накануне посещения церкви говорил. При благословении мать Вера билетки давала всем, на билетиках крест, и глава написаны, и строчки, которые прочитать требовалось в божественных книгах. В народе говорят, когда вся деревня Попово горела, Верушка босиком по огню бегала. Где пробежит, там огонь гаснет. За то, что народ почитал Верушку, как святую, не любили ее власти. Жил в Головине Петька Разгуляев (вероятно, представитель власти). Ненавидел Верушку, гонял, бил, утопить грозился. Она ему говорила: «Что ты, Петька, меня гоняешь, ты хорошей смертью не помрешь - в реке потопнешь». Так и вышло - в Шаче утонул. Люди ей верили, многим помогала, но говорила не прямо, а иносказательно. Мать Соколовой Тамары Петровны приходила к Верушке за советом. Начинать ли строить дом, хватит ли на все средств и сил: мужиков-то не было. А она ей так отвечала: «Море волнуется, волнуется - да успокоится». С тем и ушла.

Много пришлось перенести матушке Вере, ее босиком ставили на раскаленные камни, после этого она уже не ходила, все в кресле сидела. Увезли ее из Сумарокова и больше о ней не слышали. Лишь однажды слух прошел, что живет она в Кинешме. И больше о ней никто ничего не слышал» (Н.299.34).

Слова и поступки матушки Веры казались людям странными. По словам А.В. Смирновой, (р. в 1920 в д. Копытово Циколевский с/с Сусанинского района) «поедут монашки в Кострому, и мать Вера с ними. Все в столовую сядут, а она под стол сядет. Ездили на лошадях. Она шла впереди лошади, говорила какие-то слова [не помнит]. [...]

А Александру Петровну [Молчанову] (она служила на клиросе) посадили на 25 лет. Это уже после войны. Так ведь напрасно наговорили. Яблоков, тайный агент ГПУ, и наговорил нелепость на нее. Но она ничего не признавала. Ничего не подписывала, а все равно 25 лет дали. Говорила: «Ничего я не делала. Хоть чего со мной делайте, хоть стреляйте». А когда в тюрьме сидела, себя не берегла, работала за двоих-троих, думала не выживет. Туалеты никто не хотел мыть, а она все делала, и никакой работы не боялась. А начальник тюрьмы костромской говорил: «Я бы тебя, Молчанова, никуда не отпустил, здесь оставил, если бы не такой срок». Мученица была. Пять лет отсидела, потом опять в Соборовскую церковь пришла служить. А Миша-то Яблоков, агент-то тайный, все ходил в сторожку, кулаком по столу стучал: «Уходи отсюда, а то опять в тюрьме будешь», а она отвечала: «А я и не боюсь. Мне и там хорошо было» (Н.299.19).

Паломничества

Если судить по материалам рефератов, паломничества или были забыты, или не были распространены.

В реферате п. Вохма отмечено: «Паломничество в нашем крае развито не было, но

случались редкие случаи. Так, Попова Ефимья Никифоровна - старая дева из с.

Троица, ходила пешком в Киев и Почаево, собиралась идти и в Иерусалим, но

помешала советская власть» (Н.323).

В Кологривском районе, в пос. Красный Бор Илешевской с/а, у П. А.Румянцевой 1907 г.р. записан рассказ: «Дома было пять человек детей. Шести лет я была, осталась семья без матери. Бабушка была, жили в деревне Березник. Бабушка водила нас всех ребят в Пустынь молиться 20 километров от Березника. Я ходила неодинова. Там два колодца было, за церковью гора была крутая и длинная на другой колодец, внизу камешек брали и шли с ним в гору - считалось, что все грехи снимаются» (Н. 306).

К.Н. Хробостова (1925 г.р. д. Пустынь Березниковского с/с Кологривского района) рассказывает: «Не доезжая Шиловки (речка), был священный камень. Большой, на нем всегда отдыхали богомольцы. Умоются, помоются и идут к храму. Была Манька Денисиха, обезножила, не ходила. Вдруг ей приснилась Богородица, велела: «Води богомольцев к святому лотку». Она сначала на коленках ползала, потом ведь пошла.

Липы стояли, их грызли, помогало от зубной боли. На эти липы приходила все икона Успенье божьей матери. Люди толпились в церкви сначала, а потом застолье, чего только не было. Все свое было, столько было рыбы» (Н.306).

«Святых мест с особой отметиной в нашем районе люди не помнят, - отметили в с. Парфеньево, - хотя в нашей стороне, недалеко от д. Горелец, в Озерках, был когда-то монастырь. Людей, посетивших святые места, тоже не знают. А вот уроженка Межевского района К.Е. Зайцева 1922 г.р., проживающая давно уже в с. Парфеньево, посетила в детстве Святой ручей со своей бабушкой. «В 12 км. от нашего села была речка. Там ездили и ходили люди к святому источнику. Там пустынка была, как идти к Кологриву, будет ловок, несколько километров до пустынки. Я была с бабушкой, еще были люди. Ночевали мы у одного старика. У него избушка стоял на горе» (Н.320).

Там же, у А. П. Смирновой, 1936 г.р., уроженки д. Заволжье Савинского с\с Парфеньевского района, записано: «Мы граничили с Вологодской областью. Так вот там пустыня у нас была. В пустыне иконы были. Там родничок такой, считали его как святой. Там такие горы, в горах река текла, а потом ручеек такой. На этот ручеек были иконы, и к этому месту все ходили люди исцеляться. От нашего села 12 км, в сторону Кологрива. Там никакой деревни нет, только пустыня. Нужно ехать к Кологриву, и там будет волок. Там ездили и ходили люди к святому ручью. Там пустынька была. Как идти к Кологриву, будет волок, несколько километров до пустыньки. Я была с бабушкой, еще были люди. Ночевали мы у одного старика, у него избушка стояла на горе, почти вся в горе. И вот дома у него такое: плохо одетый, валенки - заплата на заплате, брюки тоже заплата на заплате, а когда пришел молиться в церковь, я даже не узнала его, так был одет. Хорошо. Он очень почитал церковь, и все время у него прихожане ночевали. Потом этого старика убили. Все говорили, что там исцеляли, особенно когда молитву читали. Сколько приходили туда. И прокаженные, и умалишенные. Всякие. И вот когда начинают молитву читать этим больным, что приходили исцеляться, плохо делалось, либо испугались чего-нибудь. Видение у них бывало» (Н.320).

Гонения на церковь

Значительная часть преданий связана с закрытием храмов в советское время. Память людей сохранила и имена тех, кто спасал святыни, и имена святотатцев.

В.Ф. Макаров, уроженец д. Старово Нейского района, вспоминал о разрушении Успенской церкви села Мерзлая Слободка: "Когда церковь закрывали, я был с бабушкой на покосе за Родионовым, хотел пойти посмотреть - бабушка не пустила: "Сиди, пострел, нечего на людское горе шары пучить". Ревели бабы шибко сильно, когда иконы выбрасывали. Которые хватали иконы и бегом домой уносили. Отца Василия из дома выселили, его приютил Перфил Сироткин, так того чуть не посадили за то,

что служителя культа укрывает. Мы потом в церковь лазили, там все облачения валялись, сваленные в углу, красивые, с вышивками. Мне очень понравились "воздухи", золотом все вышитые. Первая мысль была- кисет красивый выйдет. Бабушка увидела эти тряпки, что я принес, среди ночи разбудила: «Вставай, шkodник, что ты удумал, из храма Христова ворует! Неси, где взял - там и положи, и домой не приходи, пока не принесешь». Я, конечно, в Елкино не пошел, страшно ночью через лес идти, закопал под хлев под клеть у Самыловых. Посидел подольше и домой пошел.

Ограда вокруг церкви была кирпичная, ее разломали. Сколько-то взяли на фундамент новой школы, остальное раздали жителям сельсовета по 100 штук на хозяйственные нужды. А отца Василия посадили на 10 лет. А вот где он помер, не знаю. Церковь закрывать приезжал участковый милиционер Каштанов Александр, он из Солтанова. С ним уполномоченный был из Ней. Председатель сельсовета был Павлов Николай Ефимович» (. Елкинский СДК. Н.29311).

З.И. Александрова 1930 г.р. из д. Старово Нейского района девочкой помогала прятать резную скульптуру «Спаса в темнице». Она вспоминает: «Когда церковь рушили, мы боялись туда бежать смотреть, подсматривали с края леса, как иконы выбрасывали, рубили их топорами, жгли. В правом углу летнего храма у крылоса сидел Иисус Христос в ризе, деревянная фигура в рост человеческий. Ее тоже выбросили, а тетка Оля Киселева взяла да и спрятала ее. Вечером я пришла к ней на беседки, да и узнать, что было-то. Она мне говорит: «Пойдем, Зоюшка, закопаем Христа. У себя боюсь оставлять, вдруг засудят, да и отнимут, надругаются аспиды над святым Господом». Когда стемнялось, пошли мы в лес. Несли Христа в полотне новом. Выкопали не очень глубокую яму-то, как могилку, да и положили его, закопали, дерном закрыли да листьями засыпали. Тетка Оля сильно плакала: «Дожили до таких тяжелых дней, живого Господа погребаем. Господи, матушка пресвятая Богородица, спаси, сохрани и помилуй нас. Грех великий, а что поделаешь, из двух зол приходится выбирать меньшее». А красивый

был Иисус Христос, глаза у него - как у живого человека, вроде все видят. Легкая фигура-то была. Или дерево старое было - высохло все, или еще что, только не тяжело было» (Елкинский СДК. Н.293 15).

В годы гонений на церковь, когда храмы были закрыты, священники репрессированы, зафиксированы случаи отправления треб женщинами. К.Н. Хробостова (1925 г.р. д. Пустынь Березниковского с/с Кологривского района) рассказывает: «Дочку родила в Пустане. Дома. Роды принимала бабка повитуха. И мужу разрешила рядом быть. Давал мне святой воды. Крестила бабушка Фаина, уже священнослужителей никого не было, а она всех крестила, отпевала покойников. Святой поток, где брали воду святую, был крытый, теперь все заросло. А где сейчас беседка и бьют ключи в три ручья, одна речка Шутиха» (Н.306). Особая группа рассказов связана с наказанием святотатцев, которое последовало за осквернением святынь.

Л. А. Малюткина из с. Дор Буйского района вспоминает: «Не знаю, кем он был. Он был коммунист, и вот он рушил. Остальцов его фамиль. И вот он рушил. Залез и, значит, туды на эту, тогда и колокола он снимал, его я хорошо помню. После этого пришла у него болезнь, у него руки и ноги отнялись, и он долго-долго страдал. Немного пожил после разрушения..." (Н.283. 6).

Е.Н. Тараканова, жительница с. Матвеево Парфеньевского района, рассказала: «Когда начали закрывать церкви везде, и у нас в селе нашу закрыли. Долгое время она не работала. Потом начали снимать колокола. Увезли куда-то. Самый большой колокол сбросили с колокольни, он весь даже ушел в землю. Иконы растаскивали по ночам. Многие брали домой. А человека, который сбрасывал колокола и рушил церковь, постиг потом сильный недуг. Перед смертью его сильно «ломало», не мог умереть спокойно, Бог не хотел его брать к себе, потому что на нем был большой грех. [...]

Зимняя церковь горела 2 раза. Первый раз во время войны, второй - после войны. В 1934 году из церквей организовали Матвеевскую МТС.

Колокола сбросили где-то в 1937-38 гг. Колокольню роняли в 60-х годах. Припоминаю такого - Короткое Павел Константинович, был один из тех, кто ронял колокольню. Были из Парфеньева, такой Смолин, его задавило. Народ не хотел снимать колокола. Но было голосование, голосов было поровну, но проголосовали учителя в пользу снятия колоколов. Позвонили в последний раз и сняли » (Н. 297).

Уроженка д. Костино Межевского района К.Е. Зайцева с 1939 г работала на почте в Парфеньевском районе. Она вспоминает: «Есть еще в Успенье дома, построенные фундаментом из битого кирпича разрушенной церкви. Церковь разрушили, битый кирпич смешивали с цементом и закладывали фундамент. Это вот эти белые кирпичные дома. Дак в них кто ни жил - все в несчастьях семьи, здесь проживающие. Женщина – большие мученья со здоровьем, болела, прямо вся гнила на глазах. Другая тоже страдала головой. Молодая семья - горели. Прямо загорелось в одночасье. [...]

Тут, значит, были белые памятники. И вот из одной семьи сын решил разрушить могилу, чтобы достать там крест. Раз священника хоронили, значит, должен быть у него крест золотой. Это семья - Савельевы, отец и сын. Они разрыли могилу отца Александра. Разрыли могилу, нашли крест, наверху этот крест. И вот крест исчез. Кто взял, неизвестно, этот крест. Могилу зарыли, как было, а крест так и исчез. Так потом после этого беды на эту семью так и посыпались. Сын попал в комбайн-силосокосилку, и чуть не убило. После этого умалишенный стал от испуга. Отец тоже запил и на фоне пьянки стал умалишенный. Вот это кошунство с могилой отца Александра происходило при нем» (Н.320).

Верующие люди не отрекались от церкви в годы запрета на веру, молились тайно, по возможности посещали храм. В Парфеньевском районе (Н.320) были записаны такие случаи: «Папа был председателем колхоза, но с нами жила бабушка, и иконы были бабушкиной собственностью, и папа даже не помышлял о том, чтобы убрать иконы. Молились все в семье, и мама, и

папа, но очень негласно».

«В годы гонения много храмов было разрушено, - пишет Н. Моисеева, составитель реферата по материалам, собранным в Парфеньевском районе. - Люди отказывались разрушать церкви. В наших краях специально не разрушали, а пользовали под склады, мастерские, электростанции и многие другие нужды. В храмах поселили воинскую часть, образов не было, а росписи остались божественные на стенах. Командир приказал одному солдату все стереть. Солдат решил забелить. За день не успел, осталось на второй день работы. Ночью видел сон, связанный с выполненной работой. Сон он никому не стал рассказывать, побеленные стены отмыл и дальше не стал белить. Командир стал ругать. Солдат ответил: «Хоть стреляйте, стирать не буду».

«.. Он то разлетеуся тут, ладна. Пришла весна, этот Бикарюков работал начальником. Были они партийные, и был льнозавод... И вот они ушли лен мять. Была на реке мялка такая большая. Иво смолово осенью, када лен мяли. Пришли и яво сняли. Вот все и говорили, за то, что нарушил колокольню».

Были и другие случаи: «Дядя Петя нам был просто свой, перед смертью покаялся маме, что на нем лежит грех. Колокола с Матвеевской церкви снимал, и Бог наказал детьми и женой. Дети дак родились, все было хорошо, а потом у Володи в армии что-то случилось с головой. Леню в детстве паралич ударил, Тамара подростком умерла, Лида овдовела молодой, и даже не знают, где и что с ней» (Н.320).

Иногда наказание следовало даже за неочевидную вину против Бога и церкви. Вспоминает Е. Д. Окунева из п. Корега Буйского района: "...Только над нашим Игумновым собралось облако, у нас был целый сарай льну, а в сарае спал бригадир, и он сгорел, Алексей Горбунов. В ФерAPONЬев день это было. Его нет и нет, и жена не знала, а потом мертвого нашли, обгорелого. Болтали, что Бог его наказал. Бригадир ведь партийный, дак чего, спрашивайте, всякое дело, а в 20-м году снова ударило в их, в евонту же семью родных, и много домов сгорело. Говорили, что Господь наказал; а за

что -только Он ведает. В этот день бабка моя супу несла. Как грянуло, она и суп уронила, а дед побежал на пожар. Господь и сейчас наказывает, и шибко за что-то..." (Н.283.8).

Советское время внесло свои коррективы в крестьянский быт. Так, по воспоминаниям Н.И. Козловой, (д. Слеповское Кологривского района), в семье было четверо детей. Отец был грамотный, заканчивал церковно-приходскую школу. Дед рассказывал, что учили Закону Божьему, он тоже учился в этой школе немного, грамоту сам одолел, всю Библию знал от начала до конца, в церковь с бабушкой ходил в село Ильинское, детей не привлекали, не принуждали». Однако с приходом новой власти «дед признал Ленина, потому что он ввел возможность «разводиться с бабами», их женили не по любви. Дед с папой часто спорили по религиозной теме, папа был материалист». Тем не менее, « Пасху справляли, всенощную службу дед стоял, семья с детьми разговлялись. На Рождество дед выставлял картину «Избиение младенцев царем Иродом». Он эту картину у себя хранил, вешал, потом снимал, она производила на нас страшное впечатление, запомнилось на всю жизнь» (Н.306).

Н.Н. Разова записала в Макарьевском районе анонимные стихи, ходившие в списках, зафиксировавшие отношение людей к происходившему:

Прощай, наша церковь святая,
Прости, наша мать, навсегда.
Тебя, наша церковь святая,
Не видать уже нам никогда.
Погасли лампы и свечи
Навеки во храмах твоих,
Умолкли священные речи
И звон колокольный утих.
Святая церковь опустела,
Не стало народа уже в ней,
Веселье от душ улетело,

И грусть воцарилась в ней.
Почто ты стоишь одинокой,
И что не зовет нас к тебе?
А мы на чужбине далекой
Льем слезы в тоске по тебе.
Скажи, наша церковь святая,
Где братья и сестры твои,
Которы тебя созидали
И отдали души свои?
Господь нам послал испытанье
И отняли церковь у нас,
А мы все томимся в изгнаньи,
О Господи! Вспомни же нас. (Н.864)

«.. .Вот почему голубя Божьей птицей называют, а воробей прыгает, а не ходит? Это было давным-давно, когда Иисус Христос был живой, на земле жил. Вот тогда его Иуда предал, Иисуса Христа схватили, мучили шибко сильно. Птиц слетелось отовсюду. Измучили Иисуса Христа так, что он даже без памяти лежал. Так голубь все ходил около них да приговаривал, ворковал: "Умер, у-мер, у-мер". Это чтобы не мучили больше Христа. А воробей, вредная птица, рядом все бегал и чирикал: "Жив еще, жив еще". Богородица осердилась на воробья и решила наказать его. Поймала она серенького воришку и связала ему лапки ниточкой. С той поры воробей по земле не ходит, как все птицы, а прыгает.

Иуда-то совершил предательство, да стыдно, видать, стало от людей. Пошел он от глаз людских подальше и наткнулся на осину, что стояла одиноко, и повесился" на ней. Грех еще пострашнее первого совершил. Осинку за то, что на ней предательская душа, самоубийца повесился, Бог проклял. С той поры это дерево всего боится и всегда дрожит, даже если ветра нет. Да и листья осенью кровавыми делаются. Кровь на том дереве человеческая. Оттого она и дрожит. Оттого она и горькая.

Ну вот. Погнали Иисуса Христа на Голгофу. Стали к кресту его приколачивать -распинать. Приготовили 4 гвоздя. 2 гвоздя - руки приколачивать, 1 - в ноги, а еще один в голову. Народу посмотреть на казнь собралось видимо - невидимо. Всех мастей со всех волостей, а рядом-то с крестом, где Христа распинали, стоял один цыганен. Он взял и проглотил гвоздь-то. Хватились мучители гвоздя, а его и след простыл. Стали всех обыскивать, кто взял. Дошла очередь до цыганена. А он встал перед ними, похлопал руками по карманам и говорит: "Ей Богу, не брал". С той поры говорят, что цыганам врать и воровать сам Бог разрешил. Так и поставили крест на горе с Иисусом Христом, приколоченным за руки и за ноги. А только успели крест - то поставить, откуда ни возьмись целая стая клестов слетелась и давай они пытаться гвозди-то вытаскивать. Все клювы изогнули, но ничего у них не вышло. Отмучился Иисус Христос, кончились его крестные муки, отошел он (помер). А солдаты, что его охраняли, чтобы быть пуще уверенными в том, что Иисус Христос умер, проткнули ему грудь копьём. Сначала из раны-то молоко побежало, а потом кровь пошла. Вот кровь-то показалась, снегирь со всего лету попал на рану Христа и промокнул кровь ту своей грудкой. С тех пор у него грудка-то красная».

Перечень работ, подготовленных в рамках фестиваля

(в скобках указан номер реферата по описи библиотеки ОДНТ)

Престольные (храмовые) праздники

1. Престольные (храмовые) праздники [Буйского района]/Отдел культуры администрации Буйского района; СЮ. Бабушкина, методист РОМЦ. 2001. (Н 283).

2. Престольные (храмовые) праздники [Вохомского района]/Вохомский районный Центр досуга; Н.Н. Щеглова, работник РЦД, О.А. Ветеркова, зав. сектором НФР РЦД, Е.П. Дворецкая, директор Согорского ДК, И.С. Козлова, директор Обуховского СК. 2003. (Н 323)

3. Престольные (храмовые) праздники [Красносельского района]/Красносельский районный Центр досуга; А.В. Соловьева, зав.

Сектором нестационарных форм работы. 2001. (Н331)

4. Престольные и обещанные праздники Мантуровского района/ Мантуровский районный отдел культуры. АКБ; Л.М. Веселова, Е.Ю. Веселова, Г.А. Тяпышева, СВ. Урицкая, методисты АКБ.1995. (Н124)

5. Семицкие и Троицкие праздники в Нерехтском районе/ Нерехтский районный отдел культуры, АКБ; Е.Н. Горшкова, ведущий методист АКБ. 1995. (Н141)

6. Престольные (храмовые) праздники [Парфеньевского района]/ Парфеньевский районный отдел культуры, АКБ; Е. Корнилова. 2001. (Н297)

Православие и традиционная народная культура

7. Православие [в традиционной культуре Макарьевского района]/Макарьевский РЦД, Н.Н. Разова 1999. (Н264).

8. Православие и традиционная народная культура [Нейского района]/Н.П. Ранжева. 2000ЦН293)

9. Православие и традиционная народная культура [Парфеньевского района]/ Н. Моисеева. 2002. (Н320)

10. Православие и традиционная народная культура [Судиславского района]/ Отдел культуры администрации Судиславского района; Копылова Л.А., зав. отделом клубных учреждений РОМЦ. 2003. (Н318).

11. Православие в домашнем обиходе [Сусанинского района]/Отдел культуры администрации Сусанинского района; РОМЦ ТО «Встреча»; Сост. М.Г. Боднар по материалам работников ТО «Встреча» и работников СДК. 2001. (Н299).

Мир детства в традиционной православной культуре

12. Мир детства в традиционной православной культуре [Кадыйского района] Кадыйский районный отдел культуры, РОМЦ; Зайцева Т.Г., директор РОМЦ. 2003. (Н315).

13. Дорога к «островкам» православной культуры Кологривского края/ Кологривский центр традиционной народной культуры; Ф.А. Киселева, директор ЦТНК. 2003. (Н.306).